

Мудрый учите, чужом опыте, умный — на собственном, глуща ничему не учат собственные страдания.

«Как нужно молиться? — спросил мужчина-паломник у монаха-отшельника. — Я всё молюсь, молюсь, а Бог не слышит меня, мои молитвы. Научи меня, как нужно молиться». — «Хорошо, — сказал ему монах-отшельник. — Приходи завтра на рассвете на берег реки, я буду делать омовения, там всё узнаешь». На другой день ещё до восхода солнца мужчина уже был на указанном месте, на берегу реки, с горячим желанием узнать технику мольбы. Пришёл монах, раздевшись, заплыл на середину реки, позвал к себе мужчину-паломника. Когда тот подплыл поближе к монаху, монах нырнул под воду, схватил паломника за ноги и начал его топить. Из всех сил мужчина вырывался из его хватки, нахлебавшись воды, еле живой, выбрался на берег, стал одеваться. «Ну и осёл же я, доверился какому-то монаху, ненормальному психу», — думал про себя мужчина, желая поскорее убраться к себе домой. Когда он оделся, к нему подошёл монах и спросил: «О чём ты думал, и много ли у тебя было в голове мыслей, когда ты вырывался из моих рук и тонул?» Еле сдерживая свой гнев, паломник ответил сквозь зубы: «Какие мысли?! Какие думы?! Всё моё существо — тело, сознание, ум, разум, эго — всё стремилось лишь к одной цели, цели спастись». — «Вот так и нужно молиться!» — сказал ему монах-отшельник и удалился.

Что мог знать я, пятнадцатилетний пацан, о молитве, о Боге, пацан, живший в сибирской глухомани, в деревне, окружённой на сотни километров дремучими лесами, в деревне, в которой больше половины мужского, да и женского, населения были бывшие заключённые, зэки СибЛОНа, в деревне, основанной в 1935 году как пятое отделение Тисульского мясомолочного совхоза, не имевшей никакой религиозной памяти о досоветских

временах? Ни попов, ни церкви в ней, естественно, никогда не было и не могло быть в том далёком уже 1972 году.

Лишь реликты, отголоски давней религиозной эпохи проявлялись в серой, однообразной, наполненной трудом жизни сельчан в виде празднования непонятного никому праздника — Пасхи. А слова «Бог» и «Его Матерь Дева Мария» я слышал с самого раннего детства в грязных матах своих родственников и окружающих меня жителей пятой фермы. «Пятинские» — так брезгливо-уничжительно называли нас, всех жителей деревни, взрослых и детей, жители соседнего села Большой Берчикуль, более respectableного по всем деревенским понятиям нравственности того времени.

Я шёл с ружьём на плече по весеннему лесу, разбрызгивая талую воду луж на солнечных среди белых берёз полянах. Начало мая, тёплые погожие дни, запахи талого снега, прелой прошлогодней листвы, яркое солнце, голоса прилетевших птиц будоражат, наполняя радостью сознания, ожидания лета, желанием чего-нибудь свеженького. Никакой съедобной травы ещё нет. Из земли только-только показались красно-коричневые кончики любимой жителями Сибири травы черемши.

Всю долго-бесконечную семимесячную зиму мы питались лишь картошкой да квашеной капустой, щами да борщами, обильно сдобренными, у кого было, свиным салом и мясом. Хотелось чего-нибудь свеженького. Там, впереди, среди заболоченного леса и небольшой таёжки на его берегу, с северной стороны лежало озеро. Мой путь лежал к нему. И не ради «озеро посмотреть», а ради уток, диких уток, уже прилетевших с тёплыми ветрами в наши заповедные места. Я знал, что они уже прилетели. И не позднее как вчера вечером я слышал шум и свист их крыльев и видел в темнеющем небе стремительный, завораживающий своей экспрессией полёт этих птиц. Змеёво озеро, окружённое ореолом таинственности, оваянное деревенскими легендами, обильно заселённое, со слов наших родителей, гадами, лешими, русалками, водяными и прочей нечистью, было излюбленным, идеальным местом для гнездования многих видов водоплавающих пернатых: кряквы, чирки, лысухи, вальдшнепы, бекасы, кулики безраздельно властвовали озером всё лето, до конца августа — открытия охотничьего сезона.

Поднявшись на небольшую возвышенность, я увидел в разрыве стены леса сияющую ослепительной голубизной линзу льда озера. Ещё не растаяло, ещё лёд! Разочарование охладило мой ум, принося смятение. Зря шёл четыре километра сюда, плюс четыре километра назад? По инерции двигаюсь вперёд, лишь надежда, пять процентов надежды, да азарт охотника не позволили ногам моим повернуть назад. Вперёд! Вперёд!

Через кочки, камыши и рогоз по пугающей, щекочущей страхом нервы, шевелящейся под ногами сплавине к воде. Там должна быть вода. По краю берега должна быть вода. В камуфляже, сливаясь с сухой болотной травой, чуть пригнувшись, с ружьём вперёд, тихо-тихо двигаюсь к водоёму. Свист и шум крыльев пролетевшей надо мной стаи уток заставили инстинктивно, по-охотничьи, моё тело замереть. Ура! Там вода! Ура! Там утки! Я вижу брызги, слышу шлепки стремительно, в падении, садящихся на воду уток-крякв. И вот они рядом. Через редкую занавесь прошлогоднего камыша вижу в двадцати метрах, в полоске воды между льдом и берегом, стаю довольно упитанных крякв. Выбираю ближайшую, навожу ствол ружья, прижимаю приклад к плечу, замираю. И слышу, как в груди моей колотится от волнения сердце. Ни жалости, ни сострадания в нём нет. Лишь азарт, вожделение жмут на курок моим пальцем. Грохот выстрела оглушает меня на секунду. Вижу, как дробь крупным дождём бьёт по воде, по утке, вырывая из неё перья, крошит лёд, мелкие частицы которого понимаются в воздух, блестят в лучах яркого солнца маленькой радугой. Вскочив, бегу к воде. Ура, попал! Есть! Напуганные выстрелом стаи диких птиц поднимаются со всего озера, кружатся некоторое время и, увидев меня, уносятся в сторону Большого озера. Стою и думаю, как мне теперь достать добычу. Собаки нет, лодки нет. Потрогал тёмно-прозрачную озёрную воду. Брр! Ледяная, не июнь месяц. Слабый южный ветерок образует и гонит мелкие волны от меня в сторону льда. Чёрт! Бегу к ближайшему лесу, ломаю засохшие ивы, делаю палки сантиметров шестьдесят-семьдесят для кидания в воду между уткой и льдом. Притаив к воде охалку деревяшек и посмотрев, где плавает убитая утка, я загрустил. Ветерок подогнал волнами её к самому льду. Осознавая бесполезность занятия, я всё же начал швырять деревянныешки, стараясь угодить

между уткой и льдом и образованной от удара палки волной отогнать утку ото льда. Ближе, дальше, влево, вправо — коряжины летят в разные стороны. Попробуй попади — до льда метров тридцать. Уставший, с вывихнутым правым плечевым суставом, держу в руке последнюю деревяшку. Ни сил, ни желания уже нет. Поднимаю правую руку для последнего броска, смотрю с грустью на убитую утку, отрешённо смотрю в голубое небо, на лес, озеро. Всё моё существо, ум, разум замирают на мгновение, и из глубины этого существа — меня — вырывается крик, крик — призыв помощи, крик крайней отчаянности и надежды: «Господи-и-и, помоги-и-и!»

Палка летит, делая кульбиты в пространстве, и каким-то невероятным образом падает между льдом и уткой. Шлепок поднимает круги, и волны этих кругов толкают утку вдаль ото льда. Заворожённый, смотрю на воду, на лёд, на утку и чувствую кожей лица дуновение изменившего направление ветра. И уже к моим ослабевшим волнам ветер добавляет свои, с каждым секундой усиливая напор, и гонит их прямо на меня, к берегу. Через пять минут плавания утка была уже в руках. С намокшими перьями, со следами крови и дробинками в голове. Быстро кладу в пакет и в рюкзак. Из ствола вынимаю пахнущий сгоревшей серой папковый патрон и выкидываю.

Спешу домой знакомой тропой. Всё то же самое: лес, тропа, милые белые берёзы, первые цветы-медуницы, капли прозрачного сока капают с покусанных зимой зайцами тонких ветвей берёз. Всё как всегда — тот же мир, но что-то произошло со мной и во мне. Ещё только чуть-чуть. Первый опыт встречи с иррациональным, мистическим, необъяснимым, сдвиг точки восприятия мира, принятия того, что всё не так просто, мир стал запутаннее и сложнее, первый опыт молитвы.

Моей добыче дома все были рады. Бабушка, быстро ошипав и разделав утку, приготовила ароматный, с картофелем и лапшой, суп. За ужином я с восторгом рассказывал о своём удачном охотничьем походе на озеро. О метком выстреле. О своей сообразительности в доставании из воды утки. В тот вечер я был в центре внимания, семейным героем. Но о своей слабости, о своём отчаянии, о своём крике о помощи я, конечно же, скромненько промолчал.